

- 1905 год. Привлечение калмыцких сотен для подавления революционного движения.
- 1912 год. Сильный неурожай в Сальском округе.
- 1913 год. В Государственной Думе внесено предложение об учреждении в Сальском округе судебно-мирового округа.
- 1917 год. Дата образования Калмыцкого казачьего войска.

ШАМБА БАЛДРОВ.

ТРЕХСОТЛЕТНИЙ „ДБИЙНИЦ“.

Настоящий год для Калмыцкого народа является „дбийниц“ годом. „Дбийнеем“ не радостным и счастливым, а обидным и несчастным. Триста лет тому назад единый и сильный калмыцкий народ, древней родиной которого является далайская Эвнгария, разбился на несколько частей. Из них одна часть — хопуты — уходит в Тибет, другая — торгоуты — уходит на запад, на Волгу.

Говорят, что тогда калмыцкий народ, представлявший из себя серьезную, хорошо организованную военную силу, живший свежими преданиями о величии своей монгольской империи во главе с Чингис-Ханом и его ближайшими преемниками, проявляли сильную экспансию. Говорят, что это движение калмыков на восток и запад было началом осуществления большого военно-политического плана — захвата большой территории, подчинения себе соседних народов и воссоздания великой Монгольской империи. Не будем утверждать, что это именно было так, но направившиеся на запад торгоуты, пользуясь благоприятными условиями — слабостью и неорганизованностью отдельных азиатских народов — легко подчиняют своей власти все мелкие соседние племена и народы, а затем, войдя в непосредственное соприкосновение с русскими, веда в отношении последних агрессивную политику, постепенно двигаясь на запад, наконец, в 1631 году достигают берегов Волги, где и обосновываются, не теряя постоянной и живой связи с оставшимися на родине братьями — с Монголией.

Какими бы похвальными и высоко-национальными целями не руководствовались тогда вожди калмыцкого народа при движении в Тибет и на Волгу, но этот разрыв был роковым шагом для всей дальнейшей истории и явился началом ослабления, падения до того единого и сильного калмыцкого народа. С этого момента уже никогда больше не было единого калмыцкого народа; оторвавшиеся частями постепенно подпали под власть других народов: китайцев и русских. Пришедшие на Волгу калмыки (торгоуты) всего 25 лет сумели сохранить свою национальную независимость, ибо уже в 1655 году калмыцкий хан, Шунур-Дайчия, вынужден был признать русскую власть, когда были утрачены (формально) суверенные права калмыцкого народа. Правда, это признание русского подданства носило чисто номинальный, формальный характер, ибо оно ничуть не коснулось ни быта, ни внутренней жизни калмыцкого народа, как не отразилось оно и на политическом поведении калмыцких вождей, жанов, которые продолжали действовать как главы самостоятельного народа, внутренняя политическая суверенность была неприкосновенной. Такое положение продолжалось до 1724 года, когда умер калмыцкий хан Апка.

После смерти этого последнего, на ханский престол стали претендовать несколько лиц, каждое из которых, не имея возможности апеллировать к общенациональному мнению своего народа, не пользуясь в его среде популярностью и авторитетом, обращалось за помощью к русскому правительству, которое этим широко и искусно воспользовалось и наложило свои узды на того, кто с его (правительства) помощью получил власть над калмыцким народом.

С этого момента русское правительство стало активно вмешиваться во внутреннюю жизнь калмыцкого народа. Для вышей „верности“ калмыков это правительство стало пред'являть к ним тачайшие условия вплоть до того, что калмыцкий хан Дондук-Дали вынужден был отдать русским в заложники своего единственного, малолетнего сына, Асарал, который, не выдержав условия, был казнен.

заточения астраханского губернатора, там и умер.

Это поступательное движение русской власти, грубое попрание народных прав глубоко возмутило национальную совесть калмыков, сильно встревожило народное сознание. Правда, это возмущение не носило характера активной внешней борьбы за свои попираемые национальные права, а только выразилось во внутренней возбужденности, приведшему в конце концов к тому странною по своим последствиям кризису национального самосознания, который закончился в 1771 году уходом из пределов России в Азию 4/5 калмыцкого народа.

Яркой выразительницей этого возмущения калмыцкой национальной совести, народного духа являлась жена покойного хана Авыки - Дарма Балы, которая энергично и неустанно протестовала против русского вмешательства во внутреннюю жизнь калмыцкого народа, говоря, что калмыцкий народ теряет свое национальное достоинство, народное лицо, свое калмыцкое чувство, традиции, престиж и, по простоте своей, в силу отсутствия широкого политического горизонта, спасение национальной независимости видела только в уходе обратно в Азию, к чему постоянно призывала.

В такое трудное время, когда национальное сознание находилось в самом тревожном состоянии, когда на калмыцкий народ надвигались грозные события в виде все более и более суровых требований и репрессий русских, наступил последний трагический этап в истории калмыцкого народа, как сильного, независимого народа, - когда власть над ним перешла к 18-ти летнему внуку, сыну хана Дондук-Дэши - Овыши, который и увел калмыцкий народ в Азию, „спасая“ его от русской власти!

Таков печальный итог того „военно-политического плана“, осуществление которого началось в начале XVII столетия из Зынгари движением калмыков в Тибет и на Волгу: вместо завоевания народов и территорий и воссоздания империи Чингис-Хана - разброд, развал единого калмыцкого народа, полная потеря своей национальной независимости, почти окончательный уход с исторической сцены! Национальное сознание, полное высоких мечтаний, грандиозных планов, привело калмыков к трагическому концу!

В чем трагедия калмыцкого национального самосознания? Конечно, в потере политической независимости, в сознании невозможности оградить и защитить самих себя от дикого вмешательства и безграничного владычества русских. Дальнейшее пребывание в пределах России, по мнению калмыков того времени, означало окончательно потерять все свои национальные особенности и они единственный выход для спасения своего национального лица видели в уходе в Азию, не задавая себе вопроса: спасут ли они свое „лицо“ от всех опасностей подобным бегством?

Что доказали калмыки таким своим бегством? Ценой гибели десятков тысяч жизней, они логически и психологически доказали, что рабами никогда не были и быть не желают! Лучше смерть, чем работа! Так подхода к вопросу, они несмотря на все трудности, опасности, которые стояли на их пути и о которых они великодушно знали, калмыки ушли обратно в Азию, в поисках той свободы и независимости, что их так манила с далеких времен!

Момент ухода калмыков обратно в Азию был ярким, может быть, единственным моментом в истории калмыцкого народа в пределах с. Российской империи, когда в сильнейшей степени калмыцкое национальное сознание пережило глубокий кризис, непосредственно надвинувшись грозная опасность для национальной независимости. По нам, современным калмыкам, живущим в другое время, в иных политических и культурных условиях, от сознания, что наши предки ушли обратно в Азию, ревниво и берегетая свои национальную независимость, свое народное право, - ничуть не легче! Потому не легче, что и ушедшим в Азию калмыкам пришлось выпить горькую чашу до дна, попав под власть китайцев! То, зачем они ушли туда, не наши, а то, что они наши, выразили в полной горькой иронии песне:

„То, за получением чего отправились (с Волги),

Были перья и шарки (на китайских чиновничьих шапках),

То, чего так страстно домогались,

Были курма 1) и кан 2).

1) китайская ледянка с пещью.

2) китайская ледянка с пещью.

А то, на поиски зачем ушли -
Оказались лишь скалами, да камнями"...

300 лет тому назад калмыцкий народ пришел на Волгу из своей древней родины - Венгрии - во главе с своим ханом, национальной властью, имея своего духовно-религиозного главу, воодушевленный своей героической историей, полный великих задач, высоких идеалов, обладая своей литературой, письменностью, в качестве сильного, независимого народа, внушавшим к себе уважение и почтение соседних народов, с глубокой верой в свои силы и в лучшее будущее.

А через триста лет - увы! - ничего от всего этого не осталось! Ни своей национальной власти, ни своего общепризнанного духовно-религиозного главы, ни своей литературы, письменности, ни своей не только национальной независимости, но даже культурной автономии!

Все это было, да бывшем поросло!
За эти триста лет жизни под властью русских чиновников калмычки дошли до такого жалкого состояния, когда на их ходатайство о желании иметь себе духовно-религиозного главу, как заступника и защитника национальных интересов, наказный атаман Святополк-Ирский, вызвав к себе всех курульных баишей (настоятелей буддийских, калмыцких монастырей), поставив их, как солдат, в одну шеренгу в своей передней, мог кричать на них: „желаете иметь религиозного главу!? Ваш духовный, религиозный глава - окружной начальник! Я приказываю вам - идите к нему молиться и кланяться!“

И „русские“ калмычки могли бы составить более грустную, более печальную песню о своей исторической доле, чем их далекие братья, попавшие под власть китайцев!

Таков итог трехсотлетней жизни калмыцкого народа под властью русских, жизнь, полная бесконечных услуг той же самой России!

„Юбилей“ не радостный, но все же отметить его следует, чтобы калмычки помнили - кем они были, кем стали и кем будут, если не будут делать попыток и устранив тяжелого пресса над своим национальным телом - полной власти над собой другого народа, который, преградив нам путь к национальному развитию, возрождению, направил нас по пути исчезновения и растворения в чужой массе.

ПЕТР КРИКОВ.

БРАТЬЯМ КАЗАКАМ-БУДДИСТАМ, ПАВШИМ ЗА СВОБОДУ РОДИМОГО КРАЯ.

Бок о бок сражались мы с вами в степях
За право, свободу, заветы отцов!
И ныне, скитальцы в чужбинных краях,
Мы свято чтим память бойцов,
Погибших за Волю казачью там,
Где волны седые бегут ковыля;
Где спит вечным сном Каледин-Атаман...

Да будет вам пухом земля -
Вам, павшие жертвой казачьему „Я“,
И Воле, воскресшей из недр старины.
Пусть будет легка вам Казачья Земля,
Вам, верные Дона сыны!...

Соратники Ваши в немилых краях
Рассеяны Роком как пыль,
Но память о вас не угнет в казаках,
Хоть скрыл вас навеки ковыль.

Мы снова вернемся с оружием в руках
И вновь нашу степь всколыхнем
И, помня о вас, на Донских берегах
Вам, „вечную память“ споём!